

Виктор Королев

г. Екатеринбург

«Лучший друг в счастья и несчастья»

Он был из тех людей, что притягивают к себе несчастье. С родителями повезло: семья небогатая, но с большими связями. Отец – директор Павловска, мать – няня младшего сына императора. Ему бы жить да радоваться. Да вот несчастье: в девять лет переболел и оглох на одно ухо. Был ребёнок спокойный, весёлый – стал нервным, обидчивым, раздражительным. А тут ещё папаша умер. Бог весть, какова была бы его судьба, если бы не дальний родственник, тогдашний военный министр Барклай де Толли. Он посодействовал поступлению сего отрока в только что открывшийся Царскосельский лицей.

Так Вильгельм Кюхельбекер оказался среди самых одарённых юношей столицы. Увлёкся поэзией, как и все его сотоварищи по учёбе. В их памяти он навсегда остался поэтом-неудачником, фигурой комической, со странным характером. Был длинным и тощим, руки вылезали из рукавов, глаза – из орбит. Ему было уже за двадцать, когда он вызвал своего однокашника Пушкина на дуэль за безобидные строки: «За ужином объелся я, да Яков запер дверь оплошно.

Так было мне, мои друзья, и кюхельбекерно, и тошно».

Секундантом у него оказался Антон Дельвиг. Пистолет выстрелил, когда Кюхля неловко повернулся, и он едва не убил своего же секунданта, продырявив тому фуражку. Пушкин, смеясь, кричал издали: «Дельвиг, стань на моё место, здесь безопаснее!»

А после лица Кюхельбекер, как образно написал один из биографов, за короткое время сумел совершить просто «головокружительный бросок в несчастье». Его дерзкое стихотворение «Поэты» вызывает недовольство властей, и Вильгельму приходится уехать за границу. Во Франции Кюхля вновь отличился, выступив с лекцией, обличающей монархию. Российское посольство предложило ему вернуться на родину, где его ожидала ссылка на Кавказ. Гонимого скитальца приютила старшая сестра Устинья, недавно овдовевшая и получившая в наследство имение в Смоленской губернии.

Незадолго до декабрьского восстания на Сенатской площади Кюхля вступил в тайное общество. На площади он дважды наводил на великого князя Михаила Павловича пистолет. Один раз ствол отбил стоявший рядом унтер-офицер, другой раз случилась осечка. За участие в восстании Кюхельбекер был осуждён по первому разряду, попал в число наиболее опасных мятежников. Через десять лет тюрьмы он вышел, но не на свободу. Его ждала сибирская ссылка, пережить которую ему было не суждено.

В январе 1836 года Вильгельм Кюхельбекер прибыл на поселение в посёлок Баргузин Иркутской губернии. В общем-то это было довольно гуманное решение властей, ведь в Баргузине отбывал наказание его младший брат Михаил.

Интересно вот что: тридцать лет назад моя студентка из Иркутской области рассказывала, что при строительстве Байкало-Амурской магистрали нашли в тайге серебряную ложку. Отдали специалистам, чтобы узнать, чей герб на ней. Выяснилось – фамильный герб Кюхельбекеров. О как!

В Баргузине Кюхля уже через год женился на дочери местного почтмейстера. Перед свадьбой на него, до сорока лет не имевшего ни семьи, ни собственного угла, обрушились житейские заботы, к которым он совершенно не был готов. Вот как об этом пишет Юрий Тынянов в своём романе «Кюхля»:

«Жизнь идёт – баргузинская, дешёвая. На вечерах у почтмейстера Артёнова бывают важные люди: лавочник Малых, купец Лишкин, лекарь. С жёнами. Весело с седыми волосами прыгать польку под разбитый звук клавесина прошлого столетия, неизвестно как попавшего в Баргузин. Весело вертеться с дочкой почтмейстера, толстенькой Дронюшкой. У неё калмыцкий профиль, она пищит, весёлая и румяная, Вильгельму с ней смешно».

В письме к сестре Устинье новоиспечённый жених пишет:

«Свадьба, как ни жмись, мне будет стоить рублей 100; 50 рублей я был должен прежде, а дом, который купил я, обошёлся мне недостроенный в 450; достройка обойдётся рублей в 300. Итак, мой друг, мне необходимы 1000 рублей. Одолжи мне, но не частями, а враз. Доставьте мне средства жить, и не займами, не подарками, а выхлопочите мне позволения кормиться своим ремеслом. Напиши великому князю, что у меня сочинений, по крайней мере, на 10 000 рублей...»

По странному представлению о благородстве Кюхельбекер полагал, что великий князь Михаил Павлович, которого он не сумел застрелить на Сенатской площади, теперь непременно должен ему покровительствовать.

Могла ли Устинья Карловна, «вторая мать», как называл её Вильгельм, отказать несчастному младшему брату? Требуемой суммы у неё не было, но выход она в конце концов нашла...

Спустя два года после свадьбы Кюхля подал прошение о переводе из Баргузина. Не потому что жена Дросида Ивановна постоянно попрекала его за неумение жить. Скорее, случай тут подвернулся: комендант Акшинской крепости майор Разгиль-

дяев посулил ему место учителя при своих дочерях. Кюхельбекер стал просить о переводе в Акшу. Разрешение пришло, и в январе 1840 года он выехал с семьёй из Баргузина.

Сперва всё складывалось благополучно, но угораздило же непризнанного поэта влюбиться в одну из своих учениц – пятнадцатилетнюю Аннушку. Разразился дикий скандал, и неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба Кюхли, если бы Разгильдяева быстренько не перевели куда подальше...

Вильгельм запросил перевода из Акши в Тобольскую губернию. Ему разрешили поселиться в Смоленской слободе, на окраине города Кургана. Проезжая Ялуторовск, заехал он к лицейскому другу Пушкину. При встрече обнялись, поплакали и посмеялись, но через день уже заметили, что напрочь отвыкли друг от друга. После его отъезда Пушкин писал Егору Антоновичу Энгельгардту, бывшему директору лицея:

«Три дня гостил у меня оригинал Вильгельм. Проехал на житье в Курган со своей Дросидой Ивановной, двумя крикливыми детьми и ящиком литературных произведений. Обнял я его с прежним лицейским чувством. Это свидание напомнило мне сразу живо старину – он тот же оригинал, только с проседью в голове. Зачитал меня стихами донельзя...» (Ялуторовск, 21 марта 1845 года).

В конце марта 1845-го В. К. Кюхельбекер прибыл в Курган. Но он уже серьёзно болен. В начале следующего года получает разрешение отправиться на лечение в Тобольск. Взяв с собой семейство и неразлучный сундук с рукописями, Кюхля отправился в путь и уже 1 февраля снова гостил у Пушкина в Ялуторовске. Спустя шесть лет Пушкин скажет:

«Бедный Вильгельм написал целый ящик стихов, которые я отправил в Екатеринбург к его сестре. Он говорил всегда своей жене, что в этом ящике 50 тысяч рублей. Мне кажется, одно наказание ожидало его на том свете – освобождение от демона метромании и убеждение в ничтожности его произ-

ведений. Других грехов за этим странным существом не было».

Вильгельм Карлович Кюхельбекер скончался в Тобольске в августе 1846-го и был похоронен на Завальном кладбище. Его могила отмечена надгробной плитой чугунного литья. Нынешняя плита – это копия. Оригинал исчез в тридцатые годы. Но в 1973 году в деревне Елань под Чебаркулем, где мы тогда жили, при разборке печи была найдена плита с надписью: «Здесь покоится прах Вильгельма Кюхельбекера, родивш. 10 июня 1797 года, скончавш. 11 августа 1846 года». Откуда она там взялась – неизвестно.

У него не было друзей. Дельвиг умер давно, Пушкин убит на дуэли. С женой – абсолютно чужие. Есть, правда, сестра. И ещё один человек, которого бедный Кюхля всегда называл «лучшим другом в счастья и несчастья». Этого человека звали Владимир Андреевич Глинка, он приходился родственником Кюхельбекеру по сестре Устинье...

...В 1837 году В. А. Глинка был назначен «главным начальником горных заводов хребта Уральского» и переехал в Екатеринбург. Именно к нему, своему деверю, обратилась за помощью «вторая мать» Кюхли, его деньги пошли на свадьбу и строительство дома в Баргузине. Именно он ходатайствовал о разрешении Кюхле отправиться на лечение в Тобольск.

Глинки – древний дворянский род польского происхождения. Род получил своё имя во второй половине XIV столетия по названию поместья, которым они владели. Их так и называли – «Глинки из Глинок». Глинки подарили России целую плеяду выдающихся деятелей культуры. Правда, великий композитор Михаил Глинка в близком родстве с ним не состоял. А вот двоюродный брат Фёдор Глинка после восстания декабристов и недолгой ссылки стал известным поэтом (популярные романсы «Не слышно шуму городского» и «Вот мчится тройка удалая» написаны на его слова).

Владимир Андреевич Глинка родился в конце 1790 года. Родители выбрали для сына военную карьеру. Из кадетского корпуса он был выпущен в лейб-гвардии ар-

тиллерийский батальон. Через десять лет он был уже подполковником и ветераном нескольких войн. В 1831 году Глинку назначили начальником штаба артиллерии армии, действовавшей на территории Польши. В одном из жестоких боёв он был ранен осколками разорвавшейся гранаты. Следующие несколько лет служил в свите Николая I. А в конце марта 1837 года император издал указ, круто повернувший его судьбу: «Состоящему в Свите нашей артиллерии генерал-майору Глинке Всемилостивейше повелеть быть Главным начальником горных заводов хребта Уральского». Так он оказался в Екатеринбурге...

Промышленный Урал второй половины 30-х годов позапрошлого века – это полторы сотни металлургических заводов с землями, рудниками, лесами, реками и приписанными к заводам деревнями. Это было государство в государстве. Как говорил сам В. А. Глинка, «я здесь – и царь, и бог».

Первое, что сделал единоличный начальник всего Уральского хребта, – провёл ревизию имеющегося хозяйства. За два месяца объехал все заводы, посмотрел лично оборудование, записал нужды, продумал перспективы расширения. Требовалось немало денег. Сколько ни слал запросов в Петербург, из столицы один ответ: «Денег в ближайшее время не ждите, казна пуста, рабочую силу изыскивайте на месте, привлекайте новые английские технологии стального литья».

Все инженеры по приказу уральского начальника засели за изучение английской технологии. Что не так у нас? Чем они лучше? Те же печи, так же закаляем горячий металл, прессы и валки немецкие, ещё лучше английских. Разве что топливо для печей англичане используют другое: у них уголь каменный, а у нас древесный. Понятно, что каменный горит дольше, но и температура даёт ниже. А здесь леса сколько угодно, если его не жалеть, любые условия в печи создать можно.

На новую технологию перевёл для начала на Нижне-Тагильском заводе пять ста-

рых печей – надо посмотреть, как пойдёт уголёк, не запороть бы. На Камско-Воткинском заводе поручил новую печь ставить сразу под каменный уголь, там начальником инженер Илья Петрович Чайковский – молодой, но думающий, должен справиться. А в Златоуст послать нового управляющего с толковой командой – пусть местные старики поделятся своими секретами. Клинки у них знатные, не чета турецким ятаганам, сам испробовал в бою, вот и пусть думают всем миром, как из каслинского чугуна отменную сталь варить да Россию непобедимой делать...

Мамин-Сибиряк писал, что «почти все уральские заводы выстроены раскольничьими руками». На староверов опирались Демидовы в создании своей горнозаводской империи. Они не только укрывали скитников, но даже построили (близ Невьянска и Нижнего Тагила) монастыри для ревнителей старой веры. «Начальник хребта Уральского» Глинка в начале своей службы в Екатеринбурге пытался найти компромисс со староверами: поддержал, в частности, обращение к властям екатеринбургских купцов-старообрядцев, посещал старообрядческие часовни. Но получил за то выговор из столицы.

А позже императорским указом в Екатеринбурге был создан секретный комитет по делам раскольников, и генерал Глинка оказался его фактическим руководителем. С того самого времени с его именем прочно связаны гонения на староверов: изгнание их с должностей заводских администраторов, разгром староверческих деревень Красная, Шарташ и Шувакиш...

Горные и металлургические заводы Урала в качестве основного вида топлива по-прежнему использовали древесный уголь. К 1845 году уральские леса более не представляли собой сплошное зелёное море. Вокруг Екатеринбурга они были вырублены подчистую – «степью», как тогда говорили. На много километров от города в этой «степи» торчали одни пеньки. Лесорубы подошли вплотную к староверческим деревням...

На Урале люди жили всегда, сколько существует на земле человек. Археологи на Шувакише раскопали стойбище, возраст которого исчисляется четырьмя тысячами лет. Потому что здесь для жизни было всё необходимое: лес, в котором водилось немало всякого зверья, озёра и реки, полные рыбы...

«Озеро Шувакиш когда-то было вовсе не озером, а прудом, созданным староверами благодаря плотине на истоке реки Пышмы. На берегу пруда они поставили свои дома. Ещё в петровские времена появился здесь заводик, где прямо из руды плавил железо, – рассказывал писатель П. П. Бажов. – Завод так и назывался “мужицким”, следы его затерялись в истории».

Староверческие поселения стояли здесь веками. Не раз подвергались нападениям башкир, строились заново. Когда приехал «главный начальник хребта Уральского», многие из раскольников пошли работать на заводы. А семьи их так и остались в хижинах, поставленных ещё предками. Потом тайга стала исчезать, лесорубы валили деревья уже у самых их домов, часовен и скитов...

Однажды августовским утром 1846 года в кабинет генерала вошёл адъютант.

– Ваше превосходительство, староверы исчезли!

– Как исчезли? Куда?

– Не могу знать! Снялись всем табором шувакишским – и исчезли. Рабочие на местах, а семей их нет.

– Коляску! – грозно потребовал Глинка.

Весь путь, двадцать вёрст, лошади пронесли мигом. Коляску окружал полуэскадрон с заряженными ружьями. Мрачный генерал глядел на пустошь, что начиналась прямо за городской окраиной, сплошные пеньки на месте шумевших когда-то лесов. Настроение у него было отвратительное.

Вдобавок вчера он получил письмо от Юстины, вдовы своего старшего брата, в котором она писала: «С прискорбием извещаю о кончине нашего бедного Вильгельма Карловича». Глинка всегда по-родственному жалел этого неудавшегося поэта, посылал ему деньги, хлопотал за него. Много смертей он видел, но это было на поле

брани, а когда умирают родственники и ты помочь уже ничем не можешь – грустно...

Лошади вынесли коляску на самое высокое место северной окраины (позже именно здесь будет стоять уралмашевская Белая башня, это почти триста метров над уровнем моря). С холма на юге виднелся город, а на севере – всё, что глазом можно охватить, – было залито водой, сплошное болото. Из воды торчали бесконечные пни да ещё дымили вёрстах в трёх подождённые избы. Староверы сломали плотину, и Пышма вышла из берегов.

– Прикажете егерей послать вдогонку? – спросил участливо адъютант.

Генерал долго молчал. Всё смотрел на эту безобразную картину. Потом залез в коляску:

– Зачем егерей? Староверы тоже люди. Пусть живут, как хотят... Вызовите мне срочно главного лесничего!..

Этот день стал началом долгой кампании горного начальника за спасение уральских лесов. Введён режим экономии древесины. Для заводов были определены годовые нормы вырубки – такие, что при их соблюдении леса должно было хватить «на вечные времена». Именно так и было записано в распоряжении генерала Глинки.

А самое главное – по его приказу вся северная окраина Екатеринбурга, от Верх-Исетского водохранилища до Калиновки, была заново засеяна соснами. Заводским «кулибиным» был дан месяц, чтобы придумать специальную машинную сеялку. Семьи горнорабочих – бабы и даже малые дети – собирали шишки на семена, убогие и больные резали ветки на саженцы.

Всю зиму на заводах клепались сотни сеялок, а весной следующего года лошади потащили их к местам бывших вырубок. Генерал лично наблюдал за посадками.

– Ваше превосходительство, лесничий говорит, что лет десять потребуется, а чтобы строевым лес поднялся – так и вовсе полвека пройдёт, если не больше...

– Вот и хорошо, – отвечал Глинка. – Века пройдут, лес стоять будет, а люди – помнить нас!

Ещё десять лет оставался он «царём и богом» Урала. Но на престол взошёл Александр II, и Владимир Андреевич был отозван в Петербург, назначен сенатором. Прощаясь с Екатеринбургом, Глинка ещё раз осмотрел старые вырубки, съездил к Шувакишу. На месте болота стояли сосны. Они поднялись где в пояс, а где и выше человеческого роста. Прижились почти все. И с холма уже не видно было города, хотя и разросся он за эти годы и в ширину, и в высоту.

...Прошло 80 лет. И появился на свет документ: «Приказ № 1. На основании постановления президиума Уральского областного совета народного хозяйства я вступил в исполнение обязанностей временно управляющего Уралмашинстроем с 7 декабря 1926 г. Управляющий Машиностроения Банников».

Там, где сегодня расположился Орджоникидзевский район с населением 240 тысяч человек, ещё в 20-е годы стояла тайга, и присутствие человека не нарушало её векового покоя. Птицы и зверьё чувствовали себя здесь по-хозяйски. Потом первые строители оставят в музее Уралмашзавода воспоминания, как однажды к ним на склад пожаловал медведь и устроил там погром. Так и было: первостроители стреляли на обед диких уток возле будущей ТЭЦ, прямо у цехов росла земляника, грибы возили возами. Всё так.

Только вот лес больше не валили. У озера Шувакиш нашли значительные залежи торфа. По расчётам, его должно было хватить заводу на 75 лет. Проложили туда узкоколейку (она и сейчас ещё жива). Да и шахты уральские заработали, стали уголёк давать, так что не было нужды губить леса, посаженные по приказу В. А. Глинки.

С тех пор ещё почти век прошёл. Память о «начальнике всех заводов хребта Уральского» Владимире Андреевиче Глинке осталась в документах да музейных экспонатах. Про него помнят. Про Кюхлю, его несчастного родственника, все давно забыли бы, но тому несказанно повезло – однокашником самого Пушкина был.